

Пророческій даръ.

(Къ 25-лѣтію смерти Ф. М. Достоевскаго).

I.

Владиміръ Соловьевъ называлъ Достоевскаго пророкомъ, даже пророкомъ Божиимъ. Вслѣдъ за Соловьевымъ, часто, впрочемъ, совершенно отъ него независимо, очень многіе смотрѣли на Достоевскаго, какъ на человѣка, предъ которымъ лежали открытыми книги человѣческихъ судебъ. И это не только послѣ его смерти, но даже еще при жизни. Повидимому, и самъ Достоевскій, если и не считалъ себя пророкомъ (для этого онъ былъ слишкомъ проникателенъ), то, во всякомъ случаѣ, полагалъ, что всѣмъ людямъ слѣдуетъ видѣть въ немъ пророка. Объ этомъ свидѣлствуетъ и тонъ „дневника писателя“, и вопросы, которыхъ онъ тамъ обыкновенно касался. Дневникъ писателя сталъ появляться съ 1873 года, т. е. по возвращеніи Достоевскаго изъ за границы, и, стало быть, совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ его жизни, который біографы называютъ „самымъ свѣтлымъ“. Достоевскій—счастливый семьянинъ, обеспеченный человѣкъ, знаменитый писатель, авторъ цѣлаго ряда всѣми замѣченныхъ романовъ— „Записокъ изъ мертваго дома“, „Идиота“, „Бѣсовъ“. Все, что нужно, вѣрнѣе, можно взять отъ жизни— взято. Помните разсужденія Толстого въ „Исповѣди“? Ну, я буду такимъ знаменитымъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Гете, Шекспиръ, наконецъ,— „а что же дальше“? И въ самомъ дѣлѣ трудно стать писателемъ, болѣе знаменитымъ, чѣмъ Шекспиръ— да если бы и удалось, то этимъ неизбѣжный вопросъ— „что же дальше?“—нисколько бы не былъ устраненъ. Въ писательской дѣятельности замѣчательнаго писателя рано или поздно наступаетъ моментъ, когда дальнѣйшее совершенствованіе оказыается невозможнымъ. Какъ быть

замѣчательнѣе самого себя на литературномъ поприщѣ? Если хочешь двигаться, приходится волей-неволей переходить въ другую плоскость. Такъ, повидимому, всегда начинается пророчество у писателей. По общему признанію, пророкъ больше, чѣмъ писатель, а отъ общихъ мнѣній геніальность далеко не всегда застраховываетъ. Даже такіе недовѣрчивые люди, какъ Толстой и Достоевскій—люди, готовые всегда и во всемъ сомнѣваться—не разъ становились жертвами предразсудковъ. Отъ нихъ ждали пророческихъ словъ, и они шли навстрѣчу желаніямъ людей. Достоевскій еще охотнѣе, чѣмъ Толстой. Причемъ оба предсказывали очень неумѣло: они обѣщали одно, а выходило совсѣмъ другое. Толстой, на примѣръ, давно уже обѣщаль, что люди скоро очнутся, бросятъ свою братоубійственную войну и начнутъ жить, какъ слѣдуетъ истиннымъ христіанамъ, исполняя евангельскую заповѣдь любви. Толстой предсказывалъ и проповѣдовалъ, люди читали его, какъ не читали, кажется, ни одного писателя, а старыхъ своихъ привычекъ и вкусовъ не мѣняли. За послѣднее десятилѣтіе Толстому пришлось быть свидѣтелемъ цѣлаго ряда ужасныхъ, ожесточеннѣйшихъ войнъ. А наша теперешняя революція, съ вооруженными возстаніями, висѣлицами, разстрѣлами, бомбами, революція, пришедшая на смѣну кровопролитнѣйшей дальневосточной войнѣ!

И это—въ Россіи, въ странѣ, гдѣ родился, жилъ, училъ и предсказывалъ Толстой, гдѣ миллионы людей искренно считаютъ его величайшимъ геніемъ! Даже въ собственной семьѣ Толстой не умѣлъ произвести желательнаго переворота: одинъ сынъ его служить офицеромъ, другой пишетъ въ „Новомъ Времени“ въ такомъ тонѣ, точно онъ сынъ Суворина, а не Толстого... Гдѣ же пророческій даръ? Отчего такой замѣчательный человѣкъ, какъ Толстой, ничего угадать не умѣетъ, оказывается столь близорукимъ въ жизни? „Что будетъ завтра?“ — Завтра я сотворю чудеса, сказалъ волхвъ древнему русскому князю. Въ отвѣтъ князь, вынувъ мечъ, отрубилъ волхву голову, и волновавшаяся толпа, вѣрившая волхву-прорицателю, успокоилась и разошлась. Исторія всегда отсѣкаетъ головы пророческимъ предсказаніямъ, и тѣмъ не менѣе толпа гонится за прорицателями. Маловѣрная, она ищетъ знаменія, ибо ей хочется чуда. Но развѣ способность предсказывать служитъ доказательствомъ чудотворной силы? Можно предсказать солнечное

затменіе, комету, но, вѣдь, это кажется чудомъ только темному человѣку. Просвѣщенный же умъ твердо знаетъ, что тамъ именно, гдѣ возможно предсказаніе, чуда нѣтъ, ибо возможность предсказанія, предугадыванія предполагаетъ строгую законмѣрность. Слѣдовательно, пророкомъ окажется не тотъ, кто наиболѣе одаренъ духовно, не тотъ, кто хочетъ властвовать надъ міромъ и повелѣвать законами, не волхвъ, не кудесникъ, не художникъ, не мятежный геній, а тотъ, кто, впередъ покорившись дѣйствительности и ея законамъ, обрекъ себя на механическій трудъ подсчета и разсчета. Бисмаркъ умѣлъ предсказать величіе Пруссіи и Германіи, да не только Бисмаркъ, а заурядный нѣмецкій политикъ, для котораго все сводится къ „Deutschland, Deutschland über alles“, могъ угадать на много лѣтъ впередъ, а вотъ Достоевскій и Толстой ничего угадать не умѣли. У Достоевскаго это еще замѣтнѣе, чѣмъ у Толстого, потому что онъ чаще пытался угадывать: его дневникъ на половину состоитъ изъ несбывшихся прорицаній. Поэтому же онъ сплошь и рядомъ компрометировалъ свое пророческое дарованіе.

II.

Можетъ быть, кому-либо покажется неумѣстнымъ, что въ статьѣ, посвященной 25-лѣтію смерти писателя, я вспоминаю о его ошибкахъ и заблужденіяхъ. Но такой упрекъ едва ли справедливъ. Извѣстнаго рода недостатки въ замѣчательномъ человѣкѣ не менѣе характерны и важны, чѣмъ его достоинства.

Достоевскій не былъ Бисмаркомъ, да развѣ это такъ уже дурно, развѣ объ этомъ жалѣть приходится? А затѣмъ еще вотъ что: для писателей типа Толстого и Достоевскаго ихъ общественно-политическія идеи не имѣютъ ровно никакого реального значенія. Они знаютъ, что ихъ никто не слушаетъ. Что бы они ни говорили, все равно исторія и политическая жизнь пойдутъ собственнымъ путемъ, ибо не ихъ книги и статьи направляютъ событія. Вѣроятно, этимъ объясняются ихъ необыкновенная рѣшительность въ сужденіяхъ. Если бы Толстой могъ думать, что достаточно ему потребовать въ статьѣ, чтобы „солдаты, городовые, судьи, министры“ и всѣ прочіе, столь ненавистные ему охранители общественного спокойствія (да кому, кстати, милы они!)

были распушены, чтобы убійцамъ и разбойникамъ были раскрыты двери тюремъ,—кто знаетъ, оказался ли бы онъ достаточно твердымъ и непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобъ принять на себя всю отвѣтственность за послѣдствія предлагаемыхъ имъ мѣръ. Но онъ знаетъ навѣрное, что его не послушаютъ, и потому спокойно проповѣдуетъ анархію. Достоевскому съ его проповѣдью пришлось сыграть роль совсѣмъ иную, но тоже, такъ сказать, платоническую. Совершенно, вѣроятно, неожиданно для самого себя онъ оказался пѣвцомъ не „идеальной“ политики, а тѣхъ реалистическихъ задачъ, которыя поставляли себѣ всегда правительства въ тѣхъ странахъ, гдѣ судьбами народовъ распоряжались немногія личности. Если послушать Достоевскаго, можно подумать что онъ изобрѣтаетъ идеи, которыя правительство должно принять къ руководству и осуществленію. Но немного вниманія, и вы убѣдитесь, что Достоевскій не изобрѣлъ рѣшительно ни одной самобытной политической идеи. Все, что у него было по этой части, онъ, безъ провѣрки даже, заимствовалъ у славянофиловъ, которые въ свою очередь являлись самобытными лишь въ той мѣрѣ, въ какой они безъ посторонней помощи переводили съ нѣмецкаго и французскаго „Russland, Russland über alles“—даже размѣръ стиха не испорченъ замѣной одного слова. Но, что особенно важно,—и славянофилы со своимъ русско-нѣмецкимъ прославленіемъ національности, и вторившій имъ Достоевскій никого изъ имѣющихъ власть ровно ничему не учили и не научили. Наше правительство само знало все, что ему нужно было знать, безъ славянофиловъ и безъ Достоевскаго: еще съ незапамятныхъ временъ шло оно именно тѣмъ путемъ, который такъ страстно воспѣвали его теоретики. Такъ что послѣднимъ ничего больше не оставалось, какъ воздавать хвалу имѣющимъ власть и защищать русскую государственную политику противъ оппозиціонно настроеннаго общественнаго мнѣнія. Самодержавіе, православіе, народность—все это до такой степени прочно держалось въ Россіи, что въ семидесятыхъ годахъ, когда Достоевскій началъ проповѣдовать, нисколько въ поддержкѣ не нуждалось. Да, вѣдь, и вообще власть, какъ извѣстно, никогда серьезно не разчитываетъ на поддержку литературы. Она, между прочимъ, требуетъ, чтобъ и музы приносили ей дань, благородно формулируя

свои требованія словами: благословенъ союзъ меча и лиры. Бывало, что музы и не отказывали ей—иногда искренно; иногда потому, что, какъ писалъ Гейне, въ Россіи желѣзные кандалы особенно неприятно носить въ виду большихъ морозовъ. Но, во всякомъ случаѣ, музамъ предоставлялось только воспѣвать мечъ, а отнюдь не направлять его (союзы всякіе бываютъ!), и вотъ Достоевскій, при всей независимости своей природы, все же оказался въ роли пѣвца русскаго правительства. Т. е. онъ угадывалъ тайныя желанія власти и, затѣмъ, по поводу ихъ вспоминалъ всѣ „прекрасныя и высокія“ слова, которыя успѣлъ накопить за свои долготѣнія странствованія. Напримѣръ: правительство жадными глазами глядѣло на Востокъ (тогда еще ближній)—Достоевскій начинаетъ доказывать, что намъ необходимъ Константинополь и пророчествовать, что Константинополь скоро будетъ нашимъ. „Доказательство“ Достоевскаго, конечно, чисто „нравственнаго характера“,—на то онъ писатель: только изъ Константинополя, говорилъ онъ, можемъ мы провести чисто русскую всечеловѣческую идею. Разумѣется, что наше правительство, хотя у насъ Бисмарковъ и не было, отлично понимало цѣну нравственнымъ доказательствамъ и основаннымъ на нихъ предсказаніямъ и предпочло бы вмѣсто нихъ имѣть нѣсколько хорошо подготовленныхъ дивизій и усовершенствованныя орудія. Для реальныхъ политиковъ одинъ солдатъ и не то, что пушка, а ружье старой системы, больше значать, чѣмъ самая лучшая философско-нравственная концепція. Но они все же не гонятъ отъ себя кроткихъ пѣвцовъ, если пѣвцы знаютъ свои шестки. Достоевскій согласился на эту роль, ибо она все-таки давала ему возможность проявлять свой строптивый характеръ въ борьбѣ съ либеральной литературой. Онъ воспѣвалъ, протестовалъ, говорилъ несообразности, даже хуже, чѣмъ несообразности. Напримѣръ, предлагалъ всѣмъ славянскимъ народностямъ объединиться подъ эгидой Россіи, увѣряя, что такимъ только образомъ за ними будетъ обеспечена полная независимость, право культурнаго самоопредѣленія и т. д. Это предъ лицомъ миллионовъ живущихъ въ Россіи славянъ-поляковъ. И еще: „Московскія Вѣдомости“ высказали мысль, что хорошо было бы, если бы крымскіе татары эмигрировали въ Турцію, ибо тогда можно было бы заселить крымскій полуостровъ русскими.

Достоевскій съ восторгомъ подхватываетъ самобытную идею. Дѣйствительно, говоритъ онъ, по политическимъ, государственнымъ и инымъ подобнаго рода соображеніямъ (не знаю, какъ другіе, но, когда я слышу изъ устъ Достоевскаго такія слова, какъ „государственный“, „политическій“ и т. п., мнѣ безудержно хочется хохотать) татаръ необходимо вытѣснить и на ихъ земляхъ поселить русскихъ. Когда „Московскія Вѣдомости“ проектируютъ такую мѣру, — дѣло понятное. Но Достоевскій! Достоевскій, который называлъ себя христианиномъ, который такъ горячо проповѣдовалъ любовь къ ближнему, самоуниженіе, самоотреченіе, который „училъ“, что Россія должна „служить народамъ“ — какъ могла улыбнуться ему такая хищническая мысль?! А между тѣмъ, почти всѣ его политическія идеи отзываются хищничествомъ: захватить, захватить и еще захватить... Соотвѣтственно нуждѣ, онъ то выражаетъ надежду на дружбу Германіи, то грозитъ ей, то доказываетъ, что Англія въ насъ нуждается, то утверждаетъ, что мы и безъ Англии проживемъ — совсѣмъ, какъ передовикъ изъ благонамѣренной провинціальной газеты. И во всѣхъ этихъ смѣшныхъ и вѣчно противорѣчивыхъ утвержденіяхъ чувствуется лишь одно: Достоевскій въ политикѣ ничего, рѣшительно ничего не понимаетъ и, сверхъ того, ему до политики никакого дѣла нѣтъ. Онъ принужденъ итти на буксирѣ влѣдъ за другими, ничтожными, по сравнению съ нимъ людьми, и ничего, — идетъ. Даже самолюбіе — у него вѣдъ было колоссальное, единственное въ своемъ родѣ самолюбіе, какъ и прилично всечеловѣку — при этомъ нисколько не страдаетъ. Главное, что люди ждали отъ него пророчества, что слѣдующій за чиномъ великаго писателя есть чинъ пророка, что убѣжденный тонъ и громкій голосъ есть признаки пророческаго дарованія. Говоритъ громко Достоевскій умѣлъ, умѣлъ и говорить тономъ челоуѣка, знающаго тайну, власть имѣющаго: подполье выучиваетъ. Все это пригдилось. Люди приняли придворнаго пѣвца существующаго порядка за вдохновителя думъ, за властителя отдаленнѣйшихъ судебъ Россіи. И съ Достоевскаго этого было достаточно. Достоевскому это даже было необходимо. Онъ зналъ, конечно, что онъ не пророкъ, но онъ зналъ, что пророковъ на землѣ не было, а которые были, не имѣли на это бѣльшаго права, чѣмъ онъ.

III.

Позволю себѣ напомнить читателю письмо Л. Н. Толстого къ Л. Л. Толстому, недавно опубликованное послѣднимъ въ газетахъ. Оно представляется очень интереснымъ — опять-таки не съ точки зрѣнія практическаго челоуѣка, которому нужно разрѣшить вопросъ дня, — съ этой точки зрѣнія Толстой, Достоевскій и имъ подобные совсѣмъ ни на что не нужны — но вѣдъ не о единомъ хлѣбѣ будетъ сытъ челоуѣкъ.

Даже сейчасъ, въ страшное время, переживаемое нами — если хотите, то сейчасъ, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было — нельзя читать только однѣ газеты и думать лишь объ ужасныхъ сюрпризахъ, подготовляемыхъ намъ завтрашнимъ днемъ. У каждаго между чтеніемъ газетъ и партійныхъ программъ, остается часъ досуга, хотя бы не днемъ, когда шумъ событій и текущій трудъ отвлекаютъ, а глубокой ночью, когда все, что можно было — уже сдѣлано, все, что нужно было — уже сказано. Тогда прилетаютъ старья, спугнутыя „дѣлами“ мысли и вопросы. И въ тысячный разъ возвращаешься къ загадкѣ челоуѣческаго генія, челоуѣческаго величія. Насколько и въ какихъ областяхъ геній знаетъ и можетъ больше, чѣмъ обыкновенные люди?

И тогда письмо Толстого, которое днемъ возбуждало только негодованіе и раздраженіе — вѣдъ въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно, развѣ не возмутительно, что въ великомъ столкновеніи враждующихъ межъ собой въ Россіи силъ онъ не умѣетъ отличить правой отъ неправой и всѣхъ борющихся клеймить общимъ именемъ безбожниковъ! — кажется инымъ. Днемъ, говорю я, это точно обидно, днемъ хотѣлось бы, чтобъ Толстой былъ съ нами и за насъ, ибо вѣдъ мы убѣждены, что мы, только мы одни, ищемъ правды, знаемъ правду, а что враги наши злонамѣренно или по заблужденію защищаютъ зло и неправду. Но это днемъ. Ночью же — дѣло иное. Вспоминаешь, что и Гете просмотрѣлъ, просто не замѣтилъ великой французской революціи. Правда, онъ былъ нѣмцемъ и жилъ далеко отъ Парижа, а Толстой живетъ вблизи Москвы, гдѣ разстрѣливали, рѣзали, сжигали мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Какъ же онъ просмотрѣлъ эти ужасы? А онъ *несомнѣнно* просмотрѣлъ Москву и все, что было до Москвы. Происходящія событія не кажутся ему зна-

чительными, выходящими изъ ряда вонъ. Для него значително только то, къ чему онъ, Толстой, приложилъ руку: все, что внѣ него и помимо его происходитъ, для него не существуетъ. Такова великая прерогатива великихъ людей. И знаете что? Иногда мнѣ кажется—или можетъ быть, мнѣ только хочется, чтобъ казалось—будто въ этой прерогативѣ есть глубокое, сокровенное значеніе.

Когда нѣтъ силъ слушать дальше безконечныя повѣсти объ ужасныхъ звѣрствахъ, уже совершившихся и предвосхищать воображеніемъ, все, что ждетъ еще насъ впереди—вспоминаешь Толстого и его равнодушіе. Не въ нашей, челоѣческой, власти вернуть дѣтямъ убитыхъ отцовъ и матерей, матерямъ и отцамъ—убитыхъ дѣтей. Не въ нашей власти даже отомстить убійцамъ—да не всякаго мести примирить съ потерей. И пробуешь думать не по логикѣ, пробуешь искать оправданія ужасамъ, тамъ, гдѣ его нѣтъ и быть не можетъ. Что, если, спрашиваешь себя, Толстой и Гете оттого не видѣли революціи и не болѣли ея муками, что они видѣли нѣчто иное, можетъ быть, болѣе нужное и важное? Вѣдь это—люди величайшаго духа! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, на небѣ и землѣ есть вещи, которыя не снились нашей учености?...

Теперь можно вернуться къ Достоевскому и его „идеямъ“, можно безбоязненно называть ихъ тѣми именами, которыхъ онѣ заслуживаютъ. Ибо, хотя Достоевскій и гениальный писатель, но это не значитъ, что мы должны забывать о нашихъ насущныхъ нуждахъ. Ночь имѣетъ свои права, а день—свои. Достоевскій хотѣлъ быть пророкомъ, хотѣлъ, чтобы его слушали и кричали ему вслѣдъ „Осанна“, ибо, повторяю, онъ полагалъ, что, если когда-либо кому-либо кричали осанна, то нѣтъ никакого основанія отказывать ему, Достоевскому, въ этой чести. Вотъ причина, почему въ 70-хъ годахъ онъ выступаетъ въ новой роли проповѣдника христіанства и даже не христіанства, а православія.

Обращаю еще разъ вниманіе на то, далеко не случайное, обстоятельство, что проповѣдь совпала съ самымъ „свѣтлымъ періодомъ“ его жизни. Прежній бездомный кочевникъ, бѣднякъ, не знавшій, гдѣ преклонить голову, обзавелся семьей, собственнымъ домомъ, даже деньгами (жена прикапливала). Неудачникъ сталъ знаменитостью. Каторжникъ—полноправнымъ гражданиномъ. Подполье, куда еще недавно

и навсегда, какъ можно было думать, загнала его судьба, кажется старой фантазмагоріей, никогда не бывшей дѣйствительностью. Тамъ, въ каторгѣ и подпольѣ, родилась и долго жила великая жажда Бога, тамъ была великая борьба, борьба на жизнь и на смерть, тамъ впервые производились тѣ новые и страшные опыты, которые сроднили Достоевскаго со всѣмъ, что есть на землѣ мятушагося и неспокойнаго. То, что пишетъ Достоевскій въ послѣдніе годы своей жизни (не только „Дневникъ писателя“, но и „Братья Карамазовы“), имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку тамъ отражается *прошлое* Достоевскаго. Новаго дальнѣйшаго шага онъ уже не сдѣлалъ. Какъ быть, такъ и остался *наканунъ* великой истины. Но прежде этого онъ не хотѣлъ бороться и не умѣетъ объяснить ни себѣ, ни другимъ, что собственно съ нимъ происходитъ. Онъ продолжаетъ симулировать борьбу—да, сверхъ того, онъ какъ будто бы окончательно побѣдилъ и требуетъ, чтобъ побѣда была признана общественнымъ мнѣніемъ. Ему хочется думать, что канунъ уже прошелъ, что наступилъ настоящій день. А каторги и подполья, напоминающихъ, что день не насталъ, уже нѣтъ. На лицо всѣ данныя для полной иллюзіи побѣды—подбери только слова и проповѣдуй! Достоевскій ухватился за православіе. Почему не за христіанство? Да потому, что христіанство не для того, у кого домъ, семья, достатокъ, слава, отечество. Христосъ говорилъ: все покинь и слѣдуй за мной. А Достоевскій боится уединенія, онъ хотѣлъ быть пророкомъ для людей, современныхъ, осѣдлыхъ людей, для которыхъ христіанство въ его чистомъ видѣ, неприспособленномъ къ условіямъ культурнаго, государственнаго существованія, не годится. Ну, какъ христіанину брать Константинополь, выселять изъ Крыма татаръ, переводить всѣхъ славянъ на положеніе поляковъ и т. д. и т. д.—всѣхъ проектовъ Достоевскаго и „М. В.“ не перечислишь. И вотъ прежде, чѣмъ признать Евангеліе—нужно истолковать его...

Какъ это ни странно, но приходится признать, что въ литературѣ мы не встрѣчаемъ никого, кто бы принималъ Евангеліе цѣликомъ, безъ истолкованій. Кому нужно брать Константинополь по Евангелію, кому оправдать существующій порядокъ, кому возвысить себя или унижить врага—и каждый считаетъ себя вправѣ урѣзывать или даже дополнять текстъ

Писанія. Разумѣется, здѣсь я имѣю въ виду лишь тѣхъ, кто на словахъ, по крайней мѣрѣ, признаетъ Божественное происхожденіе Нового Завѣта. Ибо тотъ, кто видитъ въ Евангеліи лишь одну изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ книгъ своей библіотеки—тотъ, конечно, вправѣ производить надъ нимъ какія угодно критическія операціи.

Но вотъ вамъ Толстой, Достоевскій, Вл. Соловьевъ. У насъ существуетъ мнѣніе, особенно поддержанное и развитое новѣйшей критикой, что только Толстой рационализировалъ христіанство, Достоевскій же и Соловьевъ принимали его во всей его мистической полнотѣ, не давая разуму права отдѣлять въ Евангеліи истину отъ лжи. Я нахожу это мнѣніе ошибочнымъ. Именно Достоевскій и Соловьевъ боялись признать Евангеліе источникомъ познанія и гораздо болѣе довѣряли собственному разуму и житейскому опыту, чѣмъ словамъ Христа. Если былъ у насъ человекъ, который хотя отчасти *рискнулъ* принять загадочныя и явно опасныя слова евангельскихъ заповѣдей—то это Левъ Толстой. Сейчасъ объяснюсь.

Толстой, говорятъ намъ, пытался въ своихъ заграничныхъ сочиненіяхъ объяснить понятнымъ для человѣческаго ума способомъ евангельскія чудеса, Достоевскій же и Соловьевъ охотно принимали на вѣру необъяснимое. Но обыкновенно евангельскія чудеса привлекаютъ къ себѣ наименѣе вѣрующіхъ людей. Ибо повторить чудеса—невозможно, а разъ такъ, то стало быть тутъ достаточно наружной вѣры, т. е. одного словеснаго утвержденія. Говорить человекъ, что вѣритъ въ чудеса—репутация религіозности сдѣлана, для себя и для другихъ. А для остальной части Евангелія остается „толкованіе“. Напримѣръ, о непротивленіи злу. Нечего говорить, что ученіе о непротивленіи злу есть самое страшное, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое ирраціональное и загадочное изъ всего, что мы читаемъ въ Евангеліи. Все наше разумное существо возмущается при мысли, что злодѣю оставляется полная матеріальная свобода для совершенія его злодѣйскихъ дѣлъ. Какъ позволить разбойнику на твоихъ глазахъ убить неповиннаго ребенка и не обнажить меча? Кто вправѣ, кто могъ заповѣдать такое возмутительное предписаніе? Это повторяетъ и Соловьевъ, и Достоевскій, одинъ въ тайной, другой въ открытой полемикѣ противъ Толстого. И, такъ какъ все-таки въ Евангеліи, прямо сказано „не противься

злему“, то оба они, вѣрующіе въ чудеса, вдругъ вспоминаютъ о разумѣ и обращаются къ его свидѣтельству—зная, что разумъ, конечно, безусловно отвергнетъ какой бы то ни было смыслъ въ заповѣди. Иначе говоря, они повторяютъ о Христѣ слова сомнѣвавшихся евреевъ: кто Онъ такой, что говорить, какъ власть имѣющій? Богъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву своего сына. Авраамъ, хотя его разумъ, человѣческій разумъ, отказывался признать понятный смыслъ въ жестокомъ приказаніи, все-таки приготовился поступить по слову Божію и не пытался хитрымъ толкованіемъ снять съ себя тяжелую, нечеловѣческую обязанность. Достоевскій же и Соловьевъ, какъ только требованія Христа не встрѣчаютъ оправданія въ ихъ разумѣ, отказываются исполнять ихъ. А говорятъ, что вѣруютъ и въ воскресеніе Лазаря, и въ излѣченіе паралитиковъ, и во все прочее, о чемъ повѣствуютъ апостолы. Почему же ихъ вѣра оканчивается какъ разъ тамъ, гдѣ она начинается обязывать? Почему вдругъ понадобился разумъ, тогда какъ о Достоевскомъ мы доподлинно знаемъ, что въ свое время онъ затѣмъ именно и пришелъ къ Евангелію, чтобъ освободиться отъ власти разума? Но то было время подполья—а теперь наступилъ свѣтлый періодъ его жизни. Соловьевъ же подполья никогда, видно, и не зналъ. Только Толстой смѣло и рѣшительно пробуетъ испытать не въ мысляхъ только, а отчасти и въ жизни истинность христіанскаго ученія. Безумно не противиться злу съ человѣческой точки зрѣнія—онъ это также хорошо знаетъ, какъ Достоевскій, Соловьевъ и всѣ прочіе многочисленные его оппоненты. Но въ Евангеліи онъ именно ищетъ божественнаго безумія—ибо человѣческій разумъ его не удовлетворяетъ. Толстой сталъ слѣдовать Евангелію въ тотъ, совсѣмъ не свѣтлый періодъ своей жизни, когда его преслѣдовали образы Ивана Ильича и Позднышева. Тутъ вѣра въ чудеса, абстрактная, оторванная отъ жизни—ни къ чему. Нужно ради вѣры отдать все, что есть у тебя самаго дорогого—сына на закланіе. Кто Онъ такой, что говорилъ, какъ власть имѣющій? Нельзя нынѣ провѣрить, точно ли Онъ воскресилъ Лазаря и насытилъ нѣсколькими хлѣбами тысячную толпу. Но, исполнивъ безъ колебанія Его заповѣди, можно узнать, далъ ли Онъ намъ истину... Такъ было у Толстого и онъ обратился къ Евангелію, единственному и подлинному источнику христі-

анства. Достоевскій же обратился къ славянофиламъ и ихъ религиозно-государственнымъ учениямъ. Непремѣнно православіе, а не католичество, не лютеранство и даже не просто христіанство. И затѣмъ—самобытная идея: Russland, Russland über alles. Толстой не умѣлъ ничего предсказать въ исторіи, но вѣдь онъ почти явно и не вмѣшивается въ историческую жизнь. Для него наша дѣйствительность не существуетъ: онъ весь сосредоточился на загадкѣ, заданной Богомъ Аврааму. Достоевскій же хотѣлъ во что бы то ни стало предсказывать, постоянно предсказывалъ и постоянно ошибался. Константинополя мы не взяли, славянъ не объединили, и даже татары до сихъ поръ живутъ въ Крыму. Онъ пугалъ насъ, что въ Европѣ прольются рѣки крови изъ-за классовой борьбы, а у насъ, благодаря нашей русской всечеловѣческой идеѣ, не только мирно разрѣшатся наши внутренние вопросы, но еще найдется новое, неслыханное доселѣ слово, которымъ мы спасемъ несчастную Европу. Прошло четверть вѣка. Въ Европѣ пока ничего не случилось. Мы же захлебываемся, буквально захлебываемся въ крови. У насъ душатъ не только инородцевъ, славянъ и неславянъ, у насъ терзаютъ своего же брата несчастнаго, изголодавашагося, ничего не понимающаго русскаго мужика. Въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, разстрѣливали женщинъ, дѣтей и стариковъ. Гдѣ же русскій всечеловѣкъ, о которомъ пророчествовалъ Достоевскій въ Пушкинской рѣчи? Гдѣ любовь, гдѣ христіанскія заповѣди? Мы видимъ одну „государственность“, изъ-за которой боролись и западные народы—но боролись менѣе жестокими и антикультурными средствами. Россіи опять придется учиться у Запада, какъ уже не разъ приходилось учиться... И Достоевскій гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бы не пытался пророчествовать.

Впрочемъ, не бѣда, если онъ и пророчествовалъ. Отъ всей души и теперь я радъ, что хоть подъ конецъ жизни отдохнулъ онъ отъ своей каторги. Я глубоко убѣжденъ, что, если бы даже до послѣднихъ дней своихъ онъ оставался въ подпольѣ, все равно „разрѣшенія“ волновавшихъ его вопросовъ онъ не добился-бы. Какъ бы много душевной энергіи не вложилъ въ свое дѣло человѣкъ, онъ все же останется „наканунъ“ истины и не найдетъ нужной ему разгадки. Таковъ человѣческій законъ. А проповѣдь Достоевскаго вреда не принесла. Его слушали тѣ, которые все равно

бы шли на Константинополь, душили бы поляковъ, и уговоряли бы страдания, столь необходимыя мужицкой душѣ. Если Достоевскій и далъ имъ свою санкцію, то этимъ, въ сущности, ничего имъ не прибавилъ. Они въ литературной санкціи не нуждаются, совершенно правильно рассуждая, что въ практическихъ вопросахъ рѣшающее значеніе имѣютъ не печатные листки, а штыки и пушки...

Все, что было у него рассказать, Достоевскій рассказалъ намъ въ своихъ романахъ, которые и теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, притягиваютъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кому нужно выпытывать отъ жизни ея тайны. А чинъ пророка, за которымъ онъ такъ гнался, полагая, что имѣлъ на него право, былъ ему совсѣмъ не къ лицу. Пророками бываютъ Бисмарки, они же и канцлерами бываютъ, т. е. первыми въ деревнѣ, первыми въ Римѣ... Достоевскимъ же суждено вѣчное „наканунъ“?! Снова попробуемъ пренебречь логикой, на этотъ разъ, быть можетъ, не только логикой и сказать: да будетъ такъ...*)

Л. Шестовъ.

*) „Полярная Звѣзда“ надѣется въ ближайшемъ будущемъ дать своимъ читателямъ литературно-политическую характеристику Достоевскаго съ иной точки зрѣнія.—*Ред.*